

дства КНР сочетается с пятью принципами мирного сосуществования, якобы лежащими в основе внешней политики Китая.

То же касается последней статьи сборника, представленной профессором Чэном

и посвященной китайско-индийским отношениям: они даются как пример балансирования между глобальными и двусторонними интересами в китайской внешней политике и рассматриваются в самом широком контексте.

© 2017

А.О. Виноградов, кандидат исторических наук

Ключевые политические фигуры в Китае: особенности стилей, структур и процессов при Си Цзиньпине / ред. С. Хайльман и М. Степан. Берлин, 2016.
China's core executive leadership: styles, structures and processes under Xi Jinping / ed. by Sebastian Heilmann and Matthias Stepan. Berlin, 2016. 98 p.

С приближением каждого очередного съезда правящей в Китайской Народной Республике коммунистической партии возрастает интерес международной общественности к политической системе Китая, расстановке сил в высшем эшелоне руководства страны, оценке степени влияния его ключевых фигур и, особенно, к прогнозам в отношении персональных подвижек во власти. Несомненный интерес в этом плане представляет работа «Ключевые политические фигуры в Китае: особенности стилей, структур и процессов при Си Цзиньпине», подготовленная в Институте китайских исследований «Меркатор» (Берлин, Германия) под патронажем его президента-основателя Себастиана Хайльмана. Себастиан Хайльман — известный немецкий китаевед, автор ряда книг по современному Китаю¹, стал в 2014 г. одним из пятнадцати представителей немецкой стороны в Форуме германо-китайского диалога.

К написанию небольшой по объему, но информационно и концептуально весьма емкой работы организаторы сумели привлечь полтора десятка экспертов, включая таких видных китаеведов, как Родерик МакФаркуар, Тони Сэйч, Барри Наутон, Джозеф Фьюсмит. Хотя предлагаемый вниманию читателей материал в основном известен специалистам, книгу, однако, отличает целенаправленное осмысление тех новаций, которые привнес Си Цзиньпин в управление различными аспектами жизнедеятельности современного Китая. Любопытными выглядят нестандартные оценки ряда политических фигур и событий «КНРовского» периода.

Открывается книга разделом об особенностях стиля современного китайского руководства. Р. МакФаркуар вводит понятие

«главного исполнительного лица» (Chief Executive Officer, CEO) режима. При Мао Цзэдуне в этом качестве неизменно выступал Чжоу Эньлай. Дэн Сяопин поручал эту миссию Ху Яобану, а затем Чжао Цзыяну, но, в конечном счете, сместил обоих за чрезмерный либерализм. Выбор Цзян Цзэминя в качестве следующего «главного исполнительного лица» был сделан по настоянию Чэнь Юня и Ли Сяньняня. Сам Дэн Сяопин предпочитал Ли Жуйхуаня, но настоять на этом в период ослабления своих позиций не смог. Поначалу Цзян выглядел излишне консервативным, и понадобилась поездка Дэн Сяопина на юг (в начале 1992 г.), чтобы выправить общий курс. Став в 1997 г. полноформатным «председателем правления», (т.е. безоговорочным лидером), Цзян Цзэминь получил готового «СЕО» в лице Чжу Жунцзи. Ху Цзиньтао с помощью Вэнь Цзябао удалось противостоять основным проблемам, с которыми сталкивалась страна, и он передал ее Си Цзиньпину «во вполне рабочем состоянии».

У Си Цзиньпина же, полагает автор, пока своего «главного исполнительного лица» нет. Означает ли это, что он не доверяет никому, кроме себя, в реализации предложенного им политического курса? Возможно, лидерство Си никто не оспаривает, и он может играть обе ведущие роли — и председателя, и главного исполнителя. Но хватит ли на это сил (*буквально* — «часов в сутках») и к каким последствиям это приведет — задается вопросом Р. МакФаркуар (р. 17).

Как полагает Виктор Ши, инициированная Си Цзиньпином антикоррупционная кампания помогла сместить в его пользу баланс сил в ЦК КПК. В то же время число его сторон-

ников в этом органе после 18-го съезда КПК осталось ограниченным, поэтому Си предпочитает действовать через учрежденные им различные временные «руководящие группы», большинство которых он сам возглавляет. Эти институты могут сохраниться и после XX съезда КПК, если Си Цзиньпин сохранит пост генерального секретаря ЦК КПК (р. 21). На наш взгляд, массовое обновление партийного руководства провинциального уровня в 2016–2017 гг. свидетельствует о стремлении Си Цзиньпина максимально пополнить своими сторонниками официальный орган — Центральный комитет партии.

Керри Браун отмечает высокую активность Си Цзиньпина не только в «домашних делах», но и на международной арене. К началу 2016 г. он посетил около 40 стран, включая небольшие по числу жителей Фиджи и Новую Зеландию. Это дало лидеру КНР возможность привлечь повсеместное внимание к инициативам Китая, широко транслировать «китайские истории» о целях и приоритетах страны. По мнению К. Брауна, можно говорить о вычленении Си Цзиньпином «трех миров» в международном сообществе. В центре «мира по-китайски» находятся США, важнейший партнер в двусторонних отношениях. Второй мир — это зона вдоль маршрутов «пояса и пути». Третий мир представлен Европейским союзом, который автор называет крупнейшим цивилизационным и «интеллектуальным» партнером Китая (р. 27–29). На наш взгляд, данная концепция, призванная вызвать ассоциацию с «тремя мирами» Мао Цзэдуна, страдает чрезмерным европоцентризмом.

Во втором разделе работы рассматриваются политические процессы последних лет, инициированные лидерами Китая, и подвижки в структуре руководства страной.

Особое внимание уделено меняющейся роли местных органов власти в условиях усилившейся централизации, реформам в армии и органах безопасности, использованию информационных технологий для повышения эффективности контроля за страной из центра. Отмечается снижение активности местных кадров, вызванное ужесточением партийной дисциплины, различными проверками и т.п. Делается вывод, что в краткосрочной перспективе усиление власти центра при ослаблении роли периферии может дать некоторый эффект, однако в конечном счете такое перераспределение полномочий может подорвать адаптационные способности китайского государства в целом (р. 34).

По мнению Кристофера Джонсона, Си Цзиньпин продвинул на ключевые позиции в Министерстве общественной безопасности ряд лиц, ранее работавших под его началом в Фуцзяни и Чжэцзяне. Это заместители министра Фу Чжэнхуа и Мэн Цинфэн, а также руководитель полиции Пекина Ван Сяохун (р. 62).

Третий, заключительный раздел работы носит прогнозный характер. Показательно название некоторых глав: «Что если Си Цзиньпин преуспеет в реструктуризации экономики и усилении КПК?», «Что если Си Цзиньпин потерпит неудачу и партийный контроль рухнет?»

В заключительной главе Себастиан Хайльман, Бьорн Конрад и Микко Хуотари, работающие в «Меркаторе», подводят общий итог анализу своих соавторов в виде четырех сценариев дальнейшего политического развития Китая в период правления Си Цзиньпина.

Первый сценарий, названный «система Си Цзиньпина», предполагает формирование дисциплинированной партии и государства, ориентированного на безопасность. В этом случае для экономики будут характерны агрессивная промышленная политика, сочетание нового витка «выхода вовне» с выборочными ограничениями на иностранные инвестиции. «Систему Си» отличают антизападничество и высокая степень идеологического конформизма в СМИ и образовании. Идеологической основой легитимного правления в подобном централизованном конгломерате партии и государства² выступает смесь национализма, выборочного традиционализма и «социализма с китайской спецификой». Глобальное политическое влияние Китая будет расти. Пекин возьмет бескомпромиссный курс на гегемонию в Восточной Азии.

Второй сценарий, охарактеризованный как «система Дэн Сяопина», означает превращение Китая в децентрализованную, институционально хрупкую, но адаптивную и гибкую партию-государство. В этом случае имеет место значительная децентрализация, более активный характер обретают реформы, в том числе на экспериментальной основе, возникают разнообразные региональные модели развития. Доминирующим течением в идеологии становится национализм, играющий роль своего рода контрбаланса внешним влияниям. В руководстве превалирует стремление к сотрудничеству с США и АТР в целом.

Третий сценарий предполагает проведение политики «сильного человека», поддерживаемого органами безопасности и общим националистическим настроением общества. (В соответствии с шаблонами западного политиче-

ского дискурса, авторы назвали данный вариант «системой Путина».) В такой системе преследуются и подавляются малейшие проявления политической оппозиции и развитие гражданского общества. Ухудшается климат для внутренних и международных инвестиций, экономический рост становится «анемичным». Попытки руководства отвлечь внимание от внутренних проблем чреваты растущим вовлечением страны в региональные конфликты, а потенциально — военными авантюрами.

Четвертый сценарий характеризуется «хаотическим плюрализмом» с неформальной олигархией и демократическими институтами в роли фасада. По мнению авторов, этот вариант напоминает первое десятилетие постсоветской России, и потому назван «системой Ельцина». Ситуация характеризуется вакуумом власти в высшем эшелоне руководства, распадом КПК на конкурирующие группы и массовым выходом рядовых членов из партии. В обмен на поддержку слабого центрального правительства регионы получают все более широкие полномочия.

Снижение централизованного контроля за военными ослабляет способности Китая по эффективному проецированию мощи, порождая при этом риски спонтанных во-

енных действий (р. 88–92).

Как полагают авторы, в краткосрочный период (по 2018 г. включительно) наиболее вероятным представляется развитие по первому сценарию («система Си Цзиньпина»). Однако в последующем, примерно до 2025 г., понадобятся существенные уступки местным правительствам в сфере экономической политики, то есть заимствование методов реформы у «системы Дэн Сяопина».

Наиболее деструктивные третий и четвертый сценарии менее вероятны, но, тем не менее, находятся в пределах возможного. Многое здесь будет зависеть от успешности экономической политики и от более-менее благоприятной ситуации в мировой экономике, которая позволила бы избежать серьезных внешних шоков.

Итоговый вывод работы таков. Какой бы сценарий политического развития Китая ни был, в конечном счете, реализован на практике, один из вариантов «убран со стола на обозримое будущее»: это постепенная эволюция Китая в направлении западной модели демократического конституционного государства. При современном политическом руководстве КНР такой курс не имеет шансов на реализацию (р. 93).

© 2017

В.Я. Портяков, доктор экономических наук, профессор

1. См.: China's Foreign Political and Economic Relations: An Unconventional Global Power / co-author Dirk Schmidt). Lanham (Maryland), 2014; China's Political System (ed.). N.Y.; L., 2017.
2. Авторы используют традиционный для западной политологии термин «party-state» — «партия-государство», применявшийся в 1950-е — 1980-е годы к большинству социалистических стран.

Сотникова И.Н. Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика: 1919–1943 гг. / Институт Дальнего Востока РАН. М.: Вост. лит., 2015. 407 с.

В 1960–1980 гг. в СССР публиковалось довольно много работ, где главное внимание уделялось теоретическим подходам к анализу «восточной политики» Коминтерна. Тогда это была одна из наиболее ангажированных в китаеведении тем, которая в настоящее время нуждается в пересмотре, что вызвано введением в научный оборот ранее недоступных для исследователей источников. В те времена советские ученые обращались к сравнительно недавнему прошлому, но время неумолимо отодвигает от нас исторические события: приближается 100-летие революции 1917 г. и не за го-

рами 100-летие со дня образования Коммунистического Интернационала. Открывается перспектива для более объективного исследования: не только «большое», но и детали видятся на расстоянии. Это справедливо в отношении последовательного, логичного изучения деятельности Коминтерна, предпринятого в монографии И.Н. Сотниковой, а именно его организационной структуры, кадровой и финансовой политики на протяжении всего периода деятельности этой международной организации. Следует отметить, что специальных трудов, посвященных обозначенным аспектам, нет ни